

Олеськины страхи

Олеська никогда еще не гостила у бабушки в Ежово. Ее с младшим братом Никиткой чуть ли не последним конвоем успели эвакуировать на Урал из донецкого городка, который напололам разделила линия фронта.

Бабушка Петровна всплакнула от радости и жалости, затискала внучат в объятиях, будто щенят. Весь день хлопотала вокруг них, как курочка-наседка: настряпала шанежек, налепила пельменей, молока налила парного – от своей коровки. Носки теплые достала из шкафа – сама вязала. Одежонку дорожную, что горем пропахла, заставила снять и новую выдала. Снова всплакнула...

Когда стемнело, Олеська улеглась в мягкую постель, все еще никак не веря, что тут никакой войны нет. Не может такого быть, думала она, кутаясь в бабушкино лоскутное одеяло.

В Ежово никто не стрелял. Однако Олеська долго жила на Донбассе и знала, что любая тишина подозрительна. После такой тишины обычно начинаются жуткие обстрелы.

– Бабушка, на закрывай, пожалуйста, подвал, – Олеська указала на дверцу с кольцом, что вела в подпол.

– Это голбец, внученька. По-нашему, по-пермяцки... Да как не закрывать-то? – удивилась Петровна. – Ведь, не дай бог, упадешь впотьмах, расшибешься. Да и продукты там хранятся. Нельзя не запирать – овощь сопреет, картошка погниёт. Или кот, плут ненасытный, вберётся и сметану из крынки вылакает.

– Мы в таком голубце полгода ховались. – Олеська не понимала бабушку. Какие овощи, при чем тут кот? – Вот начнет «арта» бить – мы туда и залезем! Там нас осколки не достанут...

– Да какая-токая арта, Олесенька, какие еще осколки? Господь с тобой! – перекрестилась Петровна. – Спи давай, а я тебя посторожу. Вон Никитка уж десятый сон дозаривает!

А артиллерия и верно – не беспокоила. Олеська уснула спокойно. Может, впервые за свои двенадцать лет.

Проснувшись, Олеська первым делом выглянула на улицу. Красота-то какая! За околицей деревни раскинулось широкое поле, по которому, рыча, но совсем не злобно, полз трактор-пахарь. Вдали за полем темнел лес – величаво спокойный, в котором не сидели снайперы и вообще никто не прятался, разве что зайчик от лисы.

Вдоль улицы, словно барышни на прогулке, скромно зеленели молодые стройные березки. Земля тоже постепенно закутывалась в зелень, за сочным

разнотравьем пряча весеннюю грязь и прошлогодний мусор, вытаявший из-под снега. Ну и пусть мусор – не мины же... Так природа, словно женщина перед зеркалом, прихорашивалась, тушью и румянами скрывая морщинки.

Было еще прохладно, но майское солнце брало своё, пронзительными лучами лезло в комнату прямо через оконные стекла, грело и слепило. Дома и избушки – все такие разные – хвастались друг перед другом красотой резных наличников, шириной ворот и пестрядью палисадников. Разные дома, но похожие одним – целые они, невредимые, без пулевых отметин и снарядных пробоин на крышах.

Хорошо на Донбассе, думала Олеська, а такой красоты нет. Особенно теперь.

Вдруг из проулка показалась зловещая фигура в камуфляжной военной форме. Поверх нее – «разгрузка» или бронежилет, издали не разглядишь. Лица не видно – скрыто под балаклавой. Буквы «Z» на форме нет. Значит – нацист. В руке у него длинный тубус. Олеська знала, что в таких трубах нацисты носят гранатомёты. А на плече – ящик железный. Там, наверное, боеприпасы. Осторожно идет, неуклюже, будто крадется и глазами злыми по окнам – зырк-зырк!

– Бабушка, бежим! – закричала Олеська и бросилась от окна. – Там... Там...

– Да кто?! Кто тебя напугал-то так?! – Петровна прижала к себе Олеську. – Пьянчуга, что ли, спозаранку продыбался? Или соседский волкодав опять с цепи сорвался?

– Т-там, т-там... Нацист с гранатометом! Сейчас нас жечь будет!

– Мать честная! – всплеснула руками Петровна и посеменила к окошку. – А ну, кто там балует?! Я ему сейчас волосья-то повыдергаю!

Она раскрыла рамы и храбро высунулась в окно.

– Ой, успокойся, милая! – облегченно вздохнула Петровна. – Это ж дядя Паша с верхней улицы. На рыбалку пошел. В футляре этом у него вовсе не ружье, а удочки сложены. А ящик тащит, чтоб сидеть на нем. Подумала, что солдат вражий, коль пестро наделался? Так у нас все рыбаки так ходят...

– Ты чего, Павлантий, рожу-ту тряпкой замотал? Народ пугаешь! Зябко, поди? – крикнула Петровна прохожему.

– Дует, Петровна! – Ответил тот. – Восток потянул – видать, клёва не будет...

– Ни хвоста, ни чешуи тебе! Ты уж, милый сын, коли свезет, выручи рыбкой-то – внучат угостить...

– Привезли-таки? Ишь ты, господи! Есть, есть рыбка! И лещ, и окушки. Сегодня же занесу! – Дядя Паша снял балаклаву, под которой скрывалось доброе

русское лицо, как у Олеськиных папы и дедушки. И глаза оказались совсем не злыми.

– Занеси, Пашенька, занеси, родной! А я тебя не обижу, пенсию как раз дали!

– Уже обидела, Петровна! – вдруг рассердился рыбак. – Чтоб я с малых детишек, да еще настрадавшихся, деньги брал? Я что, на нациста похож, что ли?

«Совсем не похож», – подумала Олеська и улыбнулась, подивившись своему недавнему страху...

Тихо в Ежово. Гулять можно, где хочешь – не заблудишься. Люди на вид хмурые, а в душе – добрые, приветливые. Когда они встречали Олеську на улице, то их суровые лица разом смягчались улыбками и взгляды теплели. Правда, у тетенок иногда глаза слезились – видимо, от ветра. То конфетку сунут, то печенькой угостят, а дядя Челпан велосипед почти новый подарил Олеське. Мне, говорит, без надобности, все равно выбросить хотел. Пошутил, конечно... Хорошие, в общем, люди. На Донбассе таких почти не осталось. Трудно быть добрым и улыбочивым, когда по тебе каждый день «арта» лупит... А вот мальчишки такие же дураки. Они везде одинаковые – задаваки и задиры.

Олеська быстро сдружилась с местными ребятами. Они, в отличие от взрослых, с Олеськой не церемонились, будто та сто лет была своей, не жалели ее, и ей так даже было легче.

Девчонки вместе с Олеськой водились с маленьким Никиткой, играли в куклы и догоняшки. Пацаны, конечно, дразнились и обзывались, но все-таки иногда звали играть в футбол. Правда, только на ворота. И лишь рыжий оболтус и второгодник Тимка постоянно вредничал: то коровьей лепешкой кинет, то грязным колесом на велике наедет, курточку замарает. Однажды прямо при всех поставил ей подножку. Олеська упала и сильно ушиблась. Даже коленку раскровила. Тимка под жеребьячье ржание своих дружков ждал, что она заревёт. Наивный! Олеське было больно, но она не плакала, потому что повидала этой крови в тысячу раз больше, чем Тимка. А когда Тимка сорвал с нее шапочку и бросил в лужу, Олеська дала ему сдачи – рюкзаком по кумполу. Удивительно, но Тимка в драку не полез и впервые посмотрел на нее с уважением: «Могёшь, красавя! Боевая!» Влюбился, наверное, смеялись над Олеськой подружки.

Вдруг высоко за облаками что-то сильно бабахнуло, что даже стекла в окнах зазвенели, а у соседской легковушки сработала сигнализация. Но ее визг заглушил нарастающий рев. Олеське он был до боли знаком: так, словно из ниоткуда, в донбасском небе появлялись нацистские «сушки». После их налётов

на улицах еще долго бушевали пожары и раздавались нестерпимые крики раненых.

– Ложись, в укрытие! Воздушная тревога! – Олеська ловко прыгнула в придорожную канаву и закрыла голову руками, как учили. – Сейчас рванет!

Но вместо взрывов бомб Олеська слышала дурацкий хохот мальчишек. Они стояли в полный рост и ничего не боялись. А самый мелкий козелком подпрыгивал на месте и кричал дразнилку:

– Бояка, бояка, черная собака!

Но тут же получил подзатыльник от Тимки.

– Заткнулись! Ну! – рявкнут он, и хохот мгновенно смолк. Тимка хоть и забияка, и второгодник, однако понимал, откуда приехала Олеська. Где-то там сейчас был его отец...

Тимка подошел к Олеське, подал руку и легко поставил ее на ноги. Отряхнув на ней курточку, он стал ее успокаивать:

– Ну чего ты, глупая? Не бывает в Ежово нацистов. Наши это, «сушки», с военного аэродрома. Учения у них.

И со знанием дела растолковывал:

– А бабахает так громкуше, когда самолёт преодолевает сверхзвуковой барьер. Еще такой же шум бывает, когда «топчик» с «пускача» заводят, – и в ответ на недоумённый взгляд Олеськи снисходительно пояснил: – Ну, трактор Т-40 с пускового двигателя. Эх ты, темнота!

Тимка не злился. Что толку – ведь девчонки в технике все равно не шарят.

Олеська провожала взглядом самолет, который стремительно удалялся в сторону горизонта, никого не разбомбив и не покалечив. На «темноту» она нисколько не обиделась. Она ведь не знала, что, оказывается, есть и наши «сушки». В Олеськином небе наши «сушки» не летали.

Олеська приехала в Ежово совсем без игрушек. Их пришлось оставить там, посреди войны, и ей было стыдно и больно, будто она бросила в беде своих друзей. Особенно жаль было плюшевого мишку Тяпу, которого ей подарил папа, когда она была еще совсем-совсем маленькой, когда на улицах еще не стреляли, когда папа был еще жив...

Олеське было чуточку завидно, что брату Никитке разрешили взять с собой пингвиненка и рыцарский меч, с которым тот с первого дня весело гонялся за курицами по двору. Все ее новые друзья тыкались пальцами в смартфоны, летали на самокатах, играли в пионербол и в бадминтон. Ей, конечно, тоже давали телефон – посмотреть «видосики», разрешали покататься, делились мячом и ракетками, но потом уносили игрушки домой.

Бабушка Петровна, само собой, покупала игрушки, но только для Никитки. Потому что считала, что Олеська уже большая и в куклы не играет. И Олеське от этого было чуточку обидно. Не то чтобы ей прямо позарез нужны были все эти игрушки. Просто несправедливо, что у одних есть, а у других нет, считала она.

Олеська могла играть чем угодно. Длинная веревка – это для нее скакалка, пустая коробка из-под сока – мячик, березовое полешко – кукла. Однажды Тимка проходил мимо ее дома и заметил, как она пеленала такую куклу.

– Ты чего это, Олеська, полено в тряпку заворачиваешь? – с ухмылкой спросил он.

– Сам ты полено! – надулась Олеська. – Это не полено, а пупсик.

– Пу-упсик?! – захохотал Тимка. – Да ежели этим «пупсиком» по башке треснуть, то напрочь мозги стрясёт!

Но сегодня он был в хорошем настроении – «четверку» по географии получил, поэтому не стал издеваться над Олеськой и проявил редкое для его характера великодушие:

– А хочешь, я тебе, Олеська, настоящих игрушек подарю? У меня этого барахла – завались.

– Ой, правда? – Олеська едва сдержалась, чтоб не захлопать в ладоши от радости.

– Пупсиков у меня, сама понимаешь, не водится. Но кое-что для тебя и Никитки найдется. Я-то уже не сопляк, чтобы такой фигней играть.

Они пошли на нижнюю улицу, где жил Тимка.

Поворачивая в проулок, Олеська увидела, что обочь дороги, в самой грязи валяется игрушка – плюшевый мишка. Точь в точь как ее Тяпа.

Тимка тоже заметил медвежонка:

– Ого, зырь, кто-то Топтыгина выбросил! Может порватый или грязный, сейчас глянем!

И кинулся к игрушке. Олеська испугалась и истошно закричала:

– Тимка, не подходи! Тимка, не трожь!

Но тот схватил мишку и подбросил высоко вверх. Олеська зажмурилась, ожидая непоправимого. Но прошло пять секунд, десять, двадцать – тишина. Олеська приоткрыла один глаз. Беспечный Тимка дергал мишку за ухо. Олеська подбежала к нему, вырвала из рук игрушку, размахнулась и забросила медвежонка далеко в кусты:

– Тикаем!

Но Тимка не стронулся с места.

– Ты чё, дура, Олеська? – вытаращил он глаза. – Это же не граната – не взорвётся! – и покрутил пальцем у виска. – Совсем ку-ку?

Олеська поняла, что попала в глупое положение. Но если по правде-то – откуда Тимке было знать, что на улицах ее родного городка дети тоже находили игрушки? Точно таких же плюшевых мишек, пупсиков, машинок и корабликов. Только начиненных взрывчаткой. Их нацисты специально подбрасывают, зная, что вот такие же любопытные Тимки ни в жизнь не устоят перед соблазном и обязательно поднимут красивую вещицу. Тронь такую – и всё! Рассказать об этом Тимке – ведь не поверит! Олеськина подруга Верочка подтвердила бы ее слова, но, увы, уже не сможет никогда. Потому что она подняла мишку...

Но Тимка, глядя на оцепеневшую Олеську, тоже что-то понял. Он вспомнил, как Олеська вжимала голову в плечи, когда в деревне запускали фейерверк, как она боялась самолетов и сторонилась мужиков в камуфляже. Видимо, и с медведями у низ на Донбассе что-то не так...

– А, ладно, не парься! – Тряхнул он ее за рукав. – Все равно мишаня замурзанный какой-то был – не отстирать. Пошли, я тебе десять таких отвалою – играйся на здоровье...

А на следующий день у ворот дома, где жила Олеська, лежала целая гора игрушек – в пакетах, в коробках, россыпью.

Их тоже подбросили.

Но трогать их совсем не страшно. Потому что, как сказал Тимка, в Ежово нацистов нет. Здесь только наши.

Максим Шардаков
2025